

такой же хитрости прибѣгаетъ у Саксона Грамматика (IX, стр. 310 слѣд. ed. Holder) сынъ геллеспонтскаго короля Даксонъ: не будучи въ состояніи побѣдить Витсерка, онъ является къ нему подъ предлогомъ мира, и, принятый дружелюбно, *armatum subornavit exercitum, qui simulata mercacione in urbem rhedis advectus hospitis domum nocturno laceravit assaltu*. Въ сагѣ о Стурлаугѣ (Fas. III, 592—647) Фрамаръ добивается любви русской царевны Ингигерды, живущей въ Aldeigjaborg (Ладогѣ); на первый разъ онъ является къ ней, какъ могучій король, съ 60-ю кораблями; она признала его и отказала; во второй переодѣвается купцомъ и не получаетъ къ ней доступа; въ концѣ приходитъ Стурлаугъ, бьется съ ея отцемъ и выдаетъ ее за Фрамара.

По мнѣнію автора, лѣтописный разсказъ о взятіи Олегомъ Царяграда отразился подробно и въ эпизодѣ поэмы — о взятіи Монтабура¹⁾. Въ Альберихѣ, ѣдущемъ къ Монтабуру впереди войска на конѣ съ знаменемъ въ рукахъ, тогда какъ онъ самъ невидимъ, ратники видятъ ангела; когда Олегъ двинулся отъ Суда на Царьградъ, изумленные греки считаютъ его св. Дмитріемъ. Я не вижу здѣсь никакихъ рѣшающихъ соотвѣтствій.

Важно для насъ непосредственно затѣмъ слѣдующее признаніе автора: существенное отличіе поэмы отъ лѣтописныхъ сказаній въ томъ, что главнымъ дѣятелемъ въ этомъ предпріятіи является въ поэмѣ не столько Илья, сколько Альберихъ, которому приписываются разныя сверхъестественныя дѣянія, напоминающія только частію Олега Вѣщаго, а, главнымъ образомъ, Вольгу былинъ²⁾. Я исправилъ бы это сопоставленіе въ согласіи съ выводами, предложенными мною въ другой моей работѣ³⁾: главнымъ лицомъ поэмы является не Альберихъ, а Ортнитъ съ помощью Альбериха; Ортнита я и сравнивалъ съ Вольгой; если такъ, то искать Олега пришлось бы въ Ортнитѣ, а не въ Ильѣ,

1) I. с. стр. 349.

2) I. с.

3) Мелкія замѣтки къ былинамъ XV, I. с.